

ние из Казахстана. Причиной этого является то, что заработок здесь намного превосходит тот, который они могут получить у себя на родине. Пока эта миграционная волна чаще всего не очень законна, поскольку большинство этих людей даже не оформляют трудовые соглашения.

Также скоро значительной проблемой станет и миграция китайского населения на территорию Дальнего Востока. Можно предположить, что для освоения дальневосточных территорий имеющегося там населения не хватит, и потребуется значительная миграция рабочей силы как из других регионов страны, так и из-за рубежа.

Все это требует проработки вопросов реализации направленной миграции и ее стимулирования уже сегодня. Пока данная работа носит стихийный характер и является лишь ответом на текущие миграционные проблемы, возникающие в результате вооруженных конфликтов и вынужденного переселения.

Вывод, который можно сделать, заключается в том, что проблемы, связанные с оценкой состояния человеческого кадрового ресурса России, должны учитываться при разработке программ и планов экономического развития, чтобы не совершать ошибок. Ясно, что для достижения экономического роста, если мы понимаем под ним не просто восстановление объемов производства образца 90-го года, а реструктуризацию промышленности, вопрос кадров будет иметь большое значение, и те рычаги решения кадровых проблем, которые применялись ранее, будут недейственными. В России к кадровому потенциалу населения, несмотря на громкие фразы типа «кадры решают все», последние десятилетия относились довольно равнодушно, считая, что с этим в России все в порядке и если надо, то кадры найдем. Однако для задач сегодняшнего и особенно завтрашнего дня кадровый потенциал населения является пока значительным ограничением при проведении действительно радикальных реформ, что необходимо учитывать при реализации очередных программ экономического развития.

ГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

ГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Глобализация – не лозунг, не магическое заклинание. Это процесс, который затрагивает всех и каждого в отдельности, меняет ориентиры, ценности и мотивы поведения отдельной личности и человечества в целом, подрывает доверие к устоявшимся теориям и доктринам, лишает или наполняет новым содержанием привычные институты власти, толкает к формированию новых форм социальной общности, представительства индивидуальных и корпоративных интересов.

Необратимый процесс, неотвратимая участь мирового развития, глобализация не может быть плохой или хорошей. Кажется, что ее очертания неопределенны, а последствия исчезают в туманном далеке. Однако определенность есть, она прослеживается в тенденциях технологического прогресса, в новых формах социального и экономического общения и финансовых технологиях. Не до конца ясно, какие последствия она будет иметь для человека и для его столетиями существовавшей почти в неизменном виде картины мира. Но ее вызовы современному обществу прорисовываются с достаточной четкостью, чтобы внести необходимые коррективы в модели развития и соответствующие политические программы.

Можно увлеченно погрузиться в суету повседневных дел, но нельзя постоянно избегать ответов на вызовы, бросаемые своему будущему. Иначе оно само и самым жестоким образом напомнит о том, как упущенные возможности и невежество изменяют судьбу не только отдельных людей, но и целых народов, выводя их за пределы общей истории. Цена пассивности и молчания неизбежно будет оплачиваться в твердой валюте человеческих страданий. Своевременная и открытая постановка каждым правительством и парламентом правильных вопросов может провести границу между судьбой и предопределенностью, между путешествием и бродяжничеством человека и целого народа по путям истории.

В этой связи следует рассмотреть различные аспекты воздействия глобализации на российскую государственность, общество и политику в

период тяжелейших трансформационных изменений, через которые Россия проходит второе десятилетие. Рассмотрим социальные и экономические истоки и последствия, чтобы согласовать внешние и внутренние процессы, влияющие на модернизацию страны, сохранение ее достойного положения в ближайшие десятилетия.

Многосторонние последствия глобализации для человека являются следствием сокращения времени и пространства, в которых он существует. Если утверждение Френсиса Фукуямы о “завершении истории” выглядит преждевременным, то вполне уверенно можно говорить о “конце географии” в мире, где скорость и удобства транспортировки доказали, что расстояние имеет не только физическую природу. Оно тем незначительнее и быстрее преодолевается, чем выше скорость и ниже затраты на передвижение, которые являются итогом технического и экономического развития. “Все, что движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала, на практике свободно от ограничений, связанных с территорией, на которой возникает, к которой стремится или через которую проходит”.¹ За считанные минуты и секунды сейчас можно фиктивно, не перемещая физически, поднять с одного края Земли и перенести на другой миллиардные объемы финансовых средств для инвестирования или использования в спекулятивной сделке.

По сути над географически и исторически структурированным социальным пространством страны, города, местной общины надстраивается кибернетическое пространство, в которое вовлекаются, наряду с финансовыми ресурсами, также знания, образовательные программы, социальное общение, информация, необходимая для принятия управленческих решений и манипулирования. При таком видении поддержание идентичности какой-либо общности, сохранение суверенитета власти и социальных отношений с помощью государственных границ или культурных барьеров рассматривается как **задача второстепенная, подчиненная интересам либерализации международного общения.**

Глобализация явственно показывает, что потеря контроля над пространством, переход связанных с этим функций от государственной бюрократии к надгосударственной и стоящим за ними новым элитам принципиально изменяет всю внутреннюю систему организации гражданского общества, социального взаимодействия и его правового обеспечения. Государственный аппарат теряет частично контроль за разработкой правил, норм и инструментов общественной жизни. Возникает неуверенность и нестабильность – источники власти, манипуляция которыми переходят к новым элитам и бюрократии.

---

¹ Woollacott, M. Bosses must learn to behave better again.- The Gardian, 14 June 1997

Способы использования времени и пространства не только заметно различаются, но оказывают дифференцирующий эффект. Глобализация настолько же объединяет, насколько разъединяет. Одни и те же причины способствуют унификации и разделению мирового сообщества. Наряду с планетарным измерением производства и предпринимательства, финансовых, торговых и информационных потоков, работает процесс локализации, фиксации места деятельности и жизни. Эти два процесса резко разграничивают условия существования целых поколений и различных возрастных групп внутри них самих. То, что для одних означает глобализацию, для других оборачивается локализацией, лишением свободы передвижения и выбора.

Мобильность становится одной из новых высших ценностей, свобода передвигаться превращается в новый постоянно дефицитный и неравномерно распределенный товар, определяющий стратификацию в обществе. Некоторые становятся действительно "глобальными", а некоторые фиксируются в некоей "локальности", привязываются к месту. Положение малотерпимое и неприятное в мире, где правила игры задают первые.

Мобильность приобретают люди, обладающие капиталом, склонностью к инвестициям для умножения своих средств. Связь есть и обратная, которая дает преимущества намного большие, чем возможность наращивать финансовый капитал. Беспрецедентным становится радикальное и безусловное отделение власти от ответственности.

Глобальные элиты не обязаны нести ответственность за нанятых работников, перед молодежью или социально слабыми, они не отвечают за будущие поколения, за еще неродившихся детей. Иначе говоря, они свободны от долга за поддержание нормальных повседневных условий жизни и воспроизводства общества. Самое приятное вознаграждение – это возможность эксплуатировать и уйти от ответственности за последствия эксплуатации, сэкономить на расходах по исправлению социально или экологически неблагоприятных итогов. Чем-то такое положение отдаленно напоминает помещика, живущего в городе, никогда не бывавшего в своей деревне, но исправно получающего доход от крепостного труда.

Отличие современных финансистов, брокеров и дилеров: благодаря высокой подвижности, работе в реальном времени и полной конвертируемости ресурсов, они практически не сталкиваются с реальными границами, оказывающими сопротивление неблагоприятным для местных общностей действиям. Ничто не принуждает их хоть чем-то поступаться в своей деятельности. Единственно осязаемые границы, выраженные в администрировании и ограничениях на движение капитала и валютных средств, постоянно являются объектом натиска со стороны международных организаций, они стремятся понизить сопротивляемость государств

совершенно свободному движению товаров, услуг и капиталов. Благоприятные условия для международной конкуренции благоприятны прежде всего для тех, кто эту конкуренцию регулирует в своих интересах, снимая с себя любые дорогостоящие ангажементы перед тем, кто от этой конкуренции в силу действия первых, проигрывает.

Оказаться в новом глобализированном мире для многих означает социальную деградацию. Неудобства локализованного проживания объединяются фактом отрыва от публичных пространств: традиционные, будь то древняя агора или заменяющий ее национальный парламент, перестают играть свою роль в формировании общественного мнения, выработке общих социальных норм или принятии политических решений. Утрачивается не только возможность, но и способность определять или обсуждать смысл и значение своих намерений, планов и действий. Растет безусловная зависимость от значений и интерпретаций, которые им придают вовлеченные в глобализацию и находящиеся вне их контроля группы интересов.

Пространственная сегрегация становится составной частью глобализации. Дистанция между глобальными и надтерриториальными элитами, формулирующими и ретранслирующими смысл существования, определяющими господствующие ценности и идеи, и всем локально ограниченным населением прогрессивно возрастает. Поляризация происходит по отношению к главной ценности – свободе передвижения.

Возникает новый ценз социальной дифференциации. Границы все больше утрачивают значение для элит, которые намного более тесно связывают себя особой субкультурой с себе подобными за пределами традиционных границ, чем с остальным населением. Они не нуждаются в связи с территорией, ее традициями, обычаями, культурой, чтобы обеспечить собственную идентичность.

Благодаря власти и возможностям, предоставляемым элите финансовыми средствами, можно оставаться на месте, но существовать вне окружающего реального мира, в котором стоят их хорошо охраняемые дома и офисы. Свобода от физических препятствий, неизвестная ранее возможность перемещаться, принимать решения и действовать на расстоянии усиливает иллюзию формирования действительности по своему усмотрению.

В новом мире обмена информацией в реальном времени и высоких скоростей “локализация” отличается от времени, когда информация перемещалась одновременно с человеком. Изменилось и понятие местности. Здесь уже происходит ограниченный обмен информацией, почти не определяется мнение. Сознание и общественные позиции формируются под влиянием внешних манипуляций через стандартизированные сообще-

ния и комментарии СМИ при фильтрующем контроле “лидеров общественного мнения”.

Последняя четверть ушедшего века останется в истории как война за эмансипацию от пространственных границ, освобождение от территориальных, местных ограничений.

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Глобализация устанавливает прямую связь изменений в природе пространства и времени с модернизацией моделей социальной организации. Один из главных результатов состоит в прямом воздействии на существующие планетарные, национальные и любые территориальные общности. **Вновь обретенная и растущая независимость глобальных элит от территориально ограниченных политических или национально-культурных образований ведет к постепенной потере власти со стороны государства.** Возникает новая иерархия элит, при формирующемся устойчивом социальном “дне”.

В условиях глобализации информационных потоков и финансово-экономических процессов под влиянием наднациональных и транснациональных организаций пересматриваются перспективы и масштабы политического суверенитета как на уровне государства, так и на уровне местных самоуправляющихся национально-территориальных образований.

Государство на протяжении всей современной эпохи до последнего времени оставалось наиболее эффективной во всех отношениях формой организации общества. На его уровне принимались всегда основные политические решения, затрагивающие производство, распределение и использование различных ресурсов; обеспечивались различные направления национальной безопасности и соблюдался баланс между экономически эффективным и социально справедливым развитием общества.

Глобализация нарушает баланс, поскольку возникает несоответствие реальных полномочий между традиционными институтами принятия решений и новыми центрами, контролирующими необходимые для их реализации основные ресурсы и экономические процессы. Равновесие нарушается еще больше с делегированием нарастающего объема полномочий от государства наднациональным политическим и экономическим органам. Формирование новой структуры мирового общения перестает быть результатом только межгосударственных договоренностей, а сами межгосударственные отношения и институты уступают место новым субъектам глобальной системы международных отношений.

Начавшиеся преобразования для многих развивающихся стран, а равно и стран с переходной экономикой уже имеют глубокие социально-психологические и социо-культурные последствия. Они проявляются на поверхности в форме раздвоения и поляризации жизненного опыта тех, кто наверху, и тех, кто находится на условном социальном “дне”.

Одни и те же образцы деятельности по-разному видятся в зависимости от своей принадлежности к той или иной группе. Находясь между крайностями новой иерархии, основные тяготы принимает на себя средний класс, испытывая острое чувство неуверенности, тревоги и страха. Негарантированность и неопределенность существования становится в свою очередь фактором усиления социальной дифференциации и источником аномального социального поведения, криминализации жизни в локализованных общностях.

ЧТО ПОСЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

Ряд объективных экономических процессов свидетельствует об изменении условий привычного ролевого поведения государства по отношению к экономике.

Почти двадцатилетний период экономической либерализации и усиления транснациональных финансово-производственных систем в последние годы вызвал новый взрыв поглощений и слияний. После кризиса 1997 года, взломавшего жесткие границы и ослабившего функции государств, проводивших собственную промышленную политику, капитал начал работать на более широком международном экономическом пространстве. Яркий пример – слияние или расширение участия японских, американских и корейских компаний, континентальных европейских, английских и американских корпораций. Шведско-швейцарский конгломерат АВВ, расширяя свою деятельность в Азии, сократил почти шестьдесят тысяч рабочих мест в Европе. То же сделал концерн Electrolux. Только за десять дней три европейские фирмы сократили рабочих мест больше, чем французское и английское правительства намеревались открыть. Германия потеряла за пять лет миллион рабочих мест в то время, как германские компании наперебой создают новые производства по всему миру – от Восточной Европы до Латинской Америки.

Все более широкие масштабы приобретает работа по разработке и внедрению стандартов банковско-финансовой деятельности и платежно-расчетных систем. Международная финансовая отчетность, открывающая данные о движении денежных средств, налоговой и учетной политике, прибыли и заработной плате, правительственных субсидиях и дотациях, социальной и валютной политике, инвестиционной деятельности и

финансовом состоянии предприятий распространяется в глубоких слоях экономической жизни все большего числа стран, вплоть до муниципальных образований и отдельных предприятий. С принятием бюджета на 2000 год началось их внедрение в российской экономике.

Национальная экономика постепенно превращается в условность, своеобразную статистическую фикцию. Основные представления экономических теорий о народном хозяйстве или национальной экономике, получившие особенно широкое распространение в довоенный период, не применимы для объяснения большинства экономических явлений и тем более для принятия практических экономических решений, направленных на регулирование тех или иных сторон экономической жизни государства. В мире, где капитал не привязан к определенному месту и финансовые потоки в значительной степени вне контроля национальных правительств, многие рычаги экономической политики теряют свою жизнеспособность¹. Одновременно быстро нарастающее влияние “планетарных” организаций сопровождается эффектом, который состоит в исключении слабых областей мировой экономики и в стремлении создать новые каналы перемещения ресурсов, выведенных, хотя бы отчасти, из-под контроля национальных государств.

Мировая экономика постепенно трансформируется в глобальную самовоспроизводящуюся систему, в которой все основные пропорции воспроизводства будут определяться не столько на национальном, сколько на международном уровне. Распространяется и укрепляется мнение, что для многих стран существенно уменьшаются шансы сократить разрыв в отсталости от развитого мира. Более того, “все глубже входя в роль регулятора межнациональных пропорций, все строже наказывая отсталых и все действеннее поощряя передовых, мировой рынок все сильнее мешает отсталым странам подняться до уровня развитых и все активнее выталкивает их из состава мировых производителей”. Такой вывод выражает настроение, свойственное неопределенности любого переходного периода: старое ломается и угасает, новое только нарождается, не имеет четкого ядра, с трудом прорастает сквозь толщу стереотипов целой эпохи. Период становления постиндустриальной экономики еще далек от завершения даже в странах-лидерах мирового развития. Не до конца понятно, как перераспределятся на глобальной шкале силы стран с переходной экономикой (Китай, Россия, страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии). Происходящее в большей мере все еще отражает закат позднеиндустриальной цивилизации и соответствующих институтов, чем утверждение постиндустриального общества.

¹ Cable.V. The World's New Futures: Identities in Crises, L, Demos, 1996, pp.20,22.

По словам одного из известных западных исследователей мировой экономики, складывается впечатление, что “национальное государство разрушается или исчезает”. Утверждение, возможно, преждевременное и во многом спорное, но на него нельзя не обратить внимание, поскольку оно отражает широко распространяемое мнение ведущих международных финансовых и экономических организаций. При этом отмечается, что “разрушительные силы имеют транснациональную природу. Как только национальные государства превращаются в объект для организации финансовой отчетности и источник эффективных политических действий, “транснациональный” характер разрушительных сил ставит их вне пространства планомерных, целенаправленных и потенциально рациональных действий.

Преобразующие силы транснационального характера обыкновенно являются анонимными и следовательно труднораспознаваемы. Они не представляют собой какой-либо единой целостной системы или порядка. Скорее они – конгломерат систем, манипулируемых полностью “невидимыми” действующими лицами... рынок перестает быть взаимодействием между конкурентами, основанным на переговорах, он скорее результат давления со стороны регулируемого спроса, искусственно создаваемых потребностей и стремления к быстрому получению прибыли”¹.

Снижение роли национального государства – развивающийся процесс с недостаточно ясными причинами, его последствия для социального развития во всех его измерениях трудно предвидеть, тем более полностью предотвратить. Постепенная потеря контроля за происходящим создает усиливающееся чувство нестабильности и неуверенности у сложившейся многочисленной межгосударственной бюрократии и национальных элит.

Одно очевидно – сложившийся порядок, устройство мира уходит в прошлое. А вместе с ним и привычные представления об управляемости, утвердившиеся в современную эпоху в последние столетия.

Сегодняшнее положение дел все чаще называют “новым мировым беспорядком”, противопоставляя поискам ушедшим двухполюсным миром “нового мирового порядка” и “перестройке международных отношений” в период с начала семидесятых до середины восьмидесятых годов. Он не может быть объяснен только обстоятельствами, вызванными коллапсом двухполюсного мира. Представления о глобальном беспорядке отражают новое восприятие происходящего как стихийного и случайного по природе сцепления явлений, которые раньше представлялись

---

¹Wright, G.H. von. The Crisis of social science and the withering away of the nation state. – Associations, 1, 1997, pp. 49-52

контролируемыми или, по крайней мере, считались в принципе поддающимися контролю.

Вовсе не значит, что до крушения социалистического блока мировое состояние дел было вполне уравновешенным и не подверженным капризам различных сил. Однако поддержание равновесия поглощало всю энергию. Разделяя мир, политическая власть создала представление о своей тотальности. Наш разделенный мир был слеплен в единое целое благодаря конфликту, пронизавшему самые отдаленные части планеты. Такого порядка тщательно придерживались обе противоборствующие стороны, сохраняя шаткое равновесие.

Ныне мировое сообщество выглядит как поле, где сталкиваются то здесь, то там беспорядочно разбросанные и несоизмеримые по возможностям силы. Короче говоря, сегодня никто не находится под жестким и постоянным контролем. Не ясно даже, что означает "контролируемость". Содержание первых шагов глобализации пронизано непрогнозируемостью изменений, неподчиненностью правилам, взаимно независимым развитием многих мировых феноменов. Отсутствует единый центр, контролирующее "бюро", "совет директоров", своего рода "руководящий кабинет".

ИМПЕРАТИВ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ

Как и раньше, большая часть инициатив возникает на локальном уровне и нацеливается на решение конкретных проблем. Некоторая ясность стала появляться после балканских войн последнего десятилетия: не арену стали выходить явные лидеры глобализации, стремящиеся предложить свой проект упорядочивания мирового беспорядка. Тем не менее пока нет силы, которая могла бы говорить от имени человечества в расчете, что все ее услышат и с готовностью подчинятся. **Не пришло еще время глобального консенсуса по основным проблемам человеческого развития.**

С другой стороны, беспорядок в ходе глобализации усиливает стремление к универсализации различных форм международного политического и экономического общения. Идеи универсального мирового порядка, организации более совершенного мира, в котором каждый обретает равные возможности и права, уходят в глубь веков, но особенно широкое распространение получили после эпохи Просвещения, а с начала двадцатого столетия обрела и практические формы.

Почетную роль в такой модернизации постоянно играло современное государство. С этой точки зрения государство превратилось в инстанцию, претендующую на легитимное право использовать разнооб-

разные ресурсы, чтобы внедрить правила и нормы социальной и экономической жизни на определенной территории. Цивилизующая роль государства состояла в превращении “дикого леса” в обработанный сад, случайности в определенность, исключения в правило.

Упорядочить жизнь на каком-либо пространстве до сих пор всегда подразумевало суверенное право государства организовать жизнь по самостоятельно выбранной или насильственно навязанной модели. Именно для этой цели существует и действует специализированная бюрократия.

Автономность законодательной и исполнительной власти обеспечивается военно-политическим, экономическим и социокультурным государственным суверенитетом. Практическое поддержание социального порядка всегда признавалось невысказанным без возможности эффективной защиты территории и избранной модели развития от внутренних и внешних вызовов, без возможности учета процессов в национальной экономике, без права накопления ресурсов в интересах поддержания идентичности страны и ее граждан.

Лишь немногие народы, стремящиеся к государственному суверенитету, имели достаточно большую численность населения и ресурсные возможности, чтобы реально создать подобное государство. При этом зачастую процесс построения собственной государственности одними народами сопровождался ограничением сходных устремлений со стороны множества других более слабых малых народов.

При таких обстоятельствах глобальное развитие выглядело результатом межгосударственного взаимодействия, при котором с помощью торговли или военно-политических методов защищалась международно гарантированная определенность границ, отделявших и закрывавших территорию суверенной власти государства. От всех государств ожидалось единодушие в такой организации мирового порядка, при котором они могли бы отстаивать свое суверенное право управлять в границах отведенного пространства.

Над таким парцеллированным миром десятилетия была надстроена деятельность двух полярных блоков. Каждый из них в своих рамках осуществлял координацию. Постепенно внутри каждого из них интеграция в экономике и политике привела к соперничеству групп государств. Уже это движение к частичному делегированию прав суверенных государств новым интегрированным объединениям привело к подрыву суверенитета как высшей ценности государственной организации общественной жизни. Суперструктуры Варшавского договора и НАТО, СЭВа и ЕЭС некоторое время прикрывали глубинные изменения в механизме поддержания мирового порядка. Военная, экономическая и культурная самодостаточность стала дополняться и подменяться поиском союзни-

ков и отказом от части суверенных прав. Но процесс этот шел внутри метасуверенных образований.

С крушением двухполюсного мира процесс добровольной передачи прав надгосударственным органам стал открытым и резко ускорился. Мгновенно обнаружилось, что из числа новых претендентов на полноценное государственное существование одни могли обеспечить лишь сохранение чисто внешних его атрибутов, а другие, создав чуть более десятка самостоятельных государств, пользуясь приобретенной свободой, растворяют военно-политическую и экономическую независимость в организациях Европейского сообщества и НАТО. **Самодостаточность и самостоятельное воспроизводство для ряда государств теряет значение жизненной необходимости.**

Как ни парадоксально, но именно крушение суверенитета многих государств обостряет интерес к государственности как таковой в обстановке неопределенности, привносимой глобализацией¹.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Многие из ныне существующих государств постепенно сворачивают те из функций, которые служили основанием для существования национальной бюрократии. Первой стала ускользать из рук функция поддержания “динамического равновесия” между спросом (потреблением) и предложением (производством), регулирования циклов в их развитии с помощью изменения инструментов экспортно-импортной политики или налогово-бюджетного регулирования спроса и предложения. В последние десятилетия по мере либерализации экономических границ между внешними и внутренними рынками все сложнее поддерживать внутреннее динамическое равновесие. Первой из трех опор суверенитета (политической, экономической, культурной), похоже, сломалась экономическая.

Будучи неспособны к ведению полноценного сбалансированного хозяйства, руководствуясь преимущественно политическим представительством интересов населения, национальные государства, по мнению глобальных организаций, постепенно превращаются в уполномоченных

¹ Как и следовало ожидать, именно “этнические меньшинства” или вообще ресурсно-слабые этнические группы не могут поддерживать государственную самостоятельность, соответствующую требованиям миропорядка, выстроенного на господстве государства. Вполне понятен их энтузиазм, вызванный объединительной энергией надгосударственных образований. Отсюда проистекает очевидная несогласованность претензий на государственность, которые естественным образом противоречат требованиям сохранения верности институтам, чья предполагаемая миссия ограничивать или ликвидировать ничем не подкрепленное стремление местных элит зачастую идет вразрез с рационально обоснованными интересами местного населения.

исполнителей тех сил, которые они не в состоянии контролировать. По оценке одного латиноамериканского политического аналитика, благодаря проницаемости по видимости “национальных” экономик, глобальные финансы с помощью быстрогодействия, внетерриториальности и неувловимости действий “навязывают свои законы и предписания всей планете. Глобализация становится ни чем иным, как тотальным расширением логики их развития на все стороны жизни”¹. Многим государствам недостает ресурсов и свободы маневра, чтобы выдержать конкурентное давление. Причина проста – при современных технологиях достаточно нескольких минут, чтобы обанкротить не только предприятие, но экономику целого государства. Юго-Восточная Азия, Мексика и Россия красноречиво подтверждают реальность подобных угроз.

Экономика быстро выходит из-под политического контроля. В политической области за государством остаются почти те же функции, что и в старые времена, но при этом оно лишается права самостоятельно дотрагиваться до всего, что связано с экономикой. Любые попытки в этом направлении могут натолкнуться на быстрые и решительные меры со стороны мировых рынков. Однажды приняв правила глобальной игры, подавляющее большинство стран практически не в состоянии сопротивляться спекулятивному натиску рынков больше нескольких дней.

Единственная задача, которую, как ожидается, может исполнять государство, – это обеспечение “сбалансированного бюджета” с учетом местных трудностей в целях более активного вмешательства государства в поддержку бизнеса и обеспечения защиты населения от каких-либо отрицательных последствий рынка. Однако подобная программная задача “не может быть исполнена, если по той или иной причине экономика не выводится с политического поля, министерство финансов остается как необходимое зло, но идеально было бы ликвидировать министерство экономики (т.е. ведомство, управляющее экономикой). Иными словами, правительство должно быть лишено ответственности за макроэкономическое управление”².

Объективно складывается так, что нет никакого противоречия между расширяющейся надтерриториальностью капитала в различных фор-

---

¹ “В кабаре под названием глобализация государство показывает стриптиз и в конце представления остается совершенно голым со своими нуждами. С разрушенной материальной базой, с аннулированной суверенностью и независимостью, с обезличенным политическим классом, национальное государство превращается в обыкновенную службу безопасности мегакомпаний... Новые господа мира не испытывают необходимости в прямом управлении. Национальные правительства наделяются функцией администрирования от их имени.” См. *Sept piéces du puzzle n'eolib'eral: la quatrième guerre mondiale a commence.* – *Le Monde diplomatique*, août 1997, pp.4-5.

² Fitoussi, J-P. *Europe: la comencement d'une aventure.* – *Le Monde*, 29.08.1997.

мах и расширением числа слабых экономически недееспособных ограниченно суверенных государств. Вопреки некоторым мнениям, большинство государств развитого мира считает, что политическая фрагментация и измельчание компонентов, составляющих мировое сообщество, ни в коем случае, не является препятствием для нарождающегося нового мирового порядка. Напротив, похоже есть связь и взаимная обусловленность между усилением глобализации всех сторон экономической жизни и новым отрицанием “территориального принципа” организации государства. Более того, чтобы обеспечить свободу передвижения и неограниченную привилегию преследовать собственные цели, глобальные финансы, торговля и информационная индустрия прямо заинтересованы в закреплении политической фрагментации, парцеллизации карты мира. Усиливается заинтересованность в сохранении слабых государств.

Осознанно или нет, но межгосударственные институты, созданные по взаимному согласию государств и глобального капитала, осуществляют скоординированное по инициативе последнего давление на собственные государства-участники и независимые государства с целью систематической расчистки всего того, что могло бы воспрепятствовать или замедлить свободное движение капиталов или свободу рыночной экономики. Таким образом, оказывается, что слабое государство – это как раз такое государство, в котором нуждается новый мировой порядок для своего укрепления и воспроизводства. Роль слабых квазигосударств легко сводится до роли района, контролируемого полицией, с минимальным порядком, необходимым для обеспечения деятельности местного предпринимательства, но эти государства не угрожают свободе деятельности международных корпораций, не тормозят их инициативы.

Новое отделение экономики от политики, освобождение первой от регулирующей роли второй лишает политику ее властных функций, столь необходимых для эффективного осуществления государственных функций. Это не простое перераспределение реальной власти. Проблематичной становится способность политики и соответствующих институтов увязывать и формировать общественные интересы вокруг общего выбора и общего блага и тем более претворять его в жизни. При таком положении общество подталкивается к тому, что становится бессмысленным задаваться вопросом, что делать. Значительно плодотворнее будет выяснить, есть ли вообще кто-либо, кто способен сделать то, что нужно было бы сделать.

Вопрос далеко не праздный. Ведь границы становятся проницаемыми, хотя и избирательно, “суверенитет уже остается только на словах, власть становится анонимной, а ее место – пустым”. Иногда кажется, что мы бесконечно далеки от формулирования и достижения конечных

социальных целей и процесс приближения к ним длится бесконечно. Однако итоговый результат выглядит упрощенно и “преобладающий образец может быть описан как “отпускание тормозов”, дерегуляция, либерализация, гибкость, нарастающая простота и легкость проведения финансовых операций, деятельности на рынке труда, снижение налогового бремени и т.д.”¹.

Чем последовательнее следовать такому образцу, тем меньше власти остается в руках инстанции, которая призвана его осуществлять. С другой стороны, она сама во все большей степени лишается сил, чтобы оторваться от следования ему, если бы она пожелала или была принуждена это сделать. Одним из важных последствий глобальной свободы движения является то, что становится все сложнее, а часто и невозможно объединить политические и общественные движения в одном общем эффективном действии.

Вернемся еще раз к феномену бюрократии, осуществляющей власть. В любом государстве она традиционно следовала одной и той же стратегии: свобода собственного маневра при принятии решений и выработке перспектив, защита интересов элиты в сочетании с практикой строгих ограничений на принятие решений со стороны управляемых. Теперь же государственная бюрократия сама вынуждена подчиняться. Несмотря на бурные дискуссии, которые ведутся в последнее время относительно новой “мировой архитектуры”, создание глобальных исполнительных и законодательных органов на месте ослабленных государств не входит в интересы тех, кто направляет развитие и деятельность мировых рынков. Глобализация сейчас идет рука об руку с политической фрагментацией, интеграции сопутствует дробление территорий. По существу, это – две стороны перераспределения суверенитета и власти, ускоренный, но никак не детерминированный радикальным технологическим прогрессом процесс мирового расслоения, в ходе которого устанавливается новая иерархия международного масштаба.

Квасисуверенные государственные образования и локальные сегрегации, создаваемые по различным признакам идентичности, не могут формировать отношений равного партнерства. Дело в том, что за одними закрепляется право свободного выбора, а для других остается право мириться с безысходностью судьбы.

В этой связи любопытно признание Э.Тоффлера, которое можно распространить и на межцивилизационные политические отношения: “Первый еретический принцип правительства Третьей волны – принцип власти меньшинства. Он предполагает, что давление большинства, клю-

¹ Offe, Cl. *Modernity and the State: East, West*, Cambr. Polity Press, 1996, pp.yii, IX, 37.

чевой легитимизирующий принцип Второй волны, все больше устаревает. В расчет принимается не большинство, а меньшинство. И наши политические системы должны все больше отражать этот факт". Нарушение этого принципа, углубляет межцивилизационные противоречия. Речь идет не о замене диктата большинства диктатом меньшинства, а о более полном учете в глобальной и национальных политических системах разнообразных интересов небольших цивилизаций, этносов, наций, народностей, групп населения, чтобы противостоять свойственной индустриальной эпохе тенденции власти большинства, шаблонизации и нивелирования индивидуальных и групповых особенностей, прибегая к силе государства, массовых партий и профсоюзов.

Материальной основой этих явлений служит концентрация капитала, финансов и других ресурсов, монопольное право на их перемещение и эффективное использование. О концентрации капиталов свидетельствуют данные ООН, приведенные в докладе, посвященном человеческому развитию. Развивающимся государствам, в которых живет почти 80% мирового населения, принадлежит 22% глобального богатства (измеренного по доходам). Причем процесс поляризации далеко не завершен. Часть доходов, приходящихся на бедные страны, продолжает сокращаться. В начале 1990-х годов на 85% мирового населения приходилось всего 15% совокупного мирового дохода. Тридцать лет назад на 20% самых бедных стран приходилось 2,3% глобального богатства, а в настоящее время лишь 1,4%. При этом совокупное богатство 358 "глобальных" миллиардеров равнялось объему доходов 2,3 млрд наиболее бедной части человечества (45% всего населения)¹.

При таком положении новое поколение глобалистов выстраивает новую мифологию, широко распространяемую средствами массовой информации. В ней закрепляется представление о том, что освобождение от ограничений и ликвидация всех и всяческих стен, выстроенных государствами, каждого в мире сделает свободным. Во вновь создаваемом фольклоре укрепляют представление о глобальной свободе, как парнике, в котором богатство растет еще быстрее, и раз уж оно умножается, то непременно больше достанется каждому отдельному человеку. Правда, сомнительно, чтобы беднота сможет распознать свое место в этой виртуальной картине мира.

Впрочем, для элиты удобно другое: электронные информационные средства столь способствовавшие созданию мирового рынка, прерывают распыление богатства. Его создание, воспроизводство в финансовой форме и жизнь его хозяев, наконец, отделяются от досадных связей с

¹ Keegan, V. Highway robbery by superrich. – The Gardian, 22 July 1996.

территорией и местным населением. Новые богатства рождаются в виртуальной реальности, плотно изолируясь от старомодной реальности бедности. Для большинства не до конца понятны последствия этого явления. Ранее существовавшая зависимость смягчала конфликт полярных интересов. Но что не понятно многим, то ясно тем, в чьих руках концентрируется власть. На вооружение берутся вновь социальные технологии, на этот раз они помогают через СМИ создать образ двух разделенных миров. Сообщения из стран, погружающихся в “локализацию” и сравнительную бедность только должны подтверждать, что причины нового раздела мира различные, у каждой из частей мира – глобализированной или локализованной – свои резоны и истоки, поэтому увеличение богатства на одном полюсе и ограниченность возможностей на другом – явления не взаимосвязанные.

Средства массовой информации используют несколько уловок, чтобы показать, что богатство глобально, а бедность ограничена и локальна. Устойчиво распространяется мысль, что каждый сам несет ответственность за свою судьбу, у всех равные возможности и, если они не использованы, если на чью-то долю выпала тяжелая судьба, бедность, голод и прочие несчастья, – то это только результат отсутствия подбавающих механизмов или отсутствие собственной доброй воли и решительности. Не трудно здесь усмотреть предельное упрощение проблемы выбора и идентификации личности или группы в современном крайне сложном мире.

Еще более упрощенно формируются представления о проблеме бедности. Эта проблема сводится к задаче накормить голодных, численность которых в мире к тому же показывается меньше, чем есть на самом деле. В стороне остается взаимосвязь гуманитарных проблем, необходимость создания постоянной социальной адаптации с глобальным влиянием капитала на сокращение сфер приложения традиционных форм труда и знаний. На самом деле безальтернативность выбора и недоступность широких возможностей для развития и повышения собственного благосостояния для локализованных, ограниченных в социальной и пространственной мобильности общностей порождает значительно более запутанный и сложный клубок проблем, трудноразрешимых местными силами. Среди них – отсутствие перспективы, низкая продуктивность, ослабление социальных связей и семьи, маргинализация, сохранение низкой грамотности и плохого здравоохранения, отсутствие социальной поддержки и защиты и т.п.

Глобальные путешествия финансовых ресурсов, капитала, может быть, и нематериальны, но локальные следы от этих передвижений вполне осязаемы. Местная экономика разрушается, она не в состоянии

обеспечить содержание и перспективу существования, как это было раньше, миллионы людей не могут принять полноценное участие в формирующемся глобальном хозяйстве.

Средства массовой информации по существу усиливают и поддерживают этическое безразличие особым образом показывая непрерывный спектакль, наполненный драматическими действиями. Развитая часть мира огораживает себя новой "берлинской стеной", стремясь сохранить свою неангажированность всем происходящим за ней. Живущие "здесь" должны испытывать чувство постоянной угрозы своему благополучному существованию, наблюдая картины войн, насилия, наркомании, беженцев, эпидемий и голода, исходящих "оттуда", от живущих "там". При этом все стремятся не связывать происходящее "там" с тем, что многие источники процветания развитых стран служат источником чужих несчастий. Крупнейшие корпорации, которые гордятся своей производительностью, высокими финансовыми результатами и глобальной конкурентоспособностью, на самом деле производят орудия насилия или продукцию, заражающую окружающую среду, в других странах мира.

Существует и другая важная роль, которую играют особые формы подачи информации: демонстрация бесчеловечности, господствующей в отдаленных странах, где обитают потенциальные мигранты, угрожающие развитому миру. О реальности такой опасности как следствия растущей глобализации свидетельствует рост числа желающих покинуть места постоянного проживания. В 1975 году вынуждено эмигрировали два миллиона человек, а в 1995 году уже 27 млн. человек стали объектом заботы Высшей комиссии ООН по делам беженцев. Это должно подпитывать и усиливать решимость, даже вопреки правовым и моральным аргументам, одних ограничивать в свободе передвижения и консервировать их в качестве локального населения, с тем, чтобы остальные могли с чистой совестью пользоваться привилегиями глобальной свободы.
